

Т.Ф. Бережная,
г. Луганск
С.В. Ляшенко,
г. Донецк

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ И СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВЫ

Уже не первый год все мировое сообщество поражают масштабные реформы и убедительные результаты преобразований в китайской экономике. В чем же заключается формула успеха КНР? На этот вопрос пытаются ответить множество исследователей, выдвигая на передний план те или иные факторы. Дискуссии по данному вопросу зачастую сопряжены с самым болезненным идеологическим спором XX в. о преимуществах и недостатках рыночной или плановой экономики. Однако на фоне радикальных, а по своей сути — революционных российских реформ по методу шоковой терапии системные рыночные преобразования в Китае, носящие постепенно-поэтапный, можно даже сказать эволюционный характер, выгодно отличаются в первую очередь своей социальной ориентированностью.

Под руководством Дэна Сяопина в Китае в феврале 1978 г. была принята программа «четырёх модернизаций» до 2000 года, предусматривающая к 1980 году создание самостоятельной промышленности и механизацию сельского хозяйства; к 1985 — завершение перестройки народного хозяйства; к 2000 — выход в число передовых стран мира по уровню развития народного хозяйства. Китаю удалось перевыполнить плановые показатели. Реальный ВВП к 2000 г. вырос не в 4 раза, а в 6,5 раза (табл.1).

Налицо и существенный социальный прогресс, сопровождавший китайские экономические реформы: заметно улучшились условия жизни всех слоев населения, повысились образовательный и культурный уровень народа, расширился кругозор людей. С конца прошлого века в стране взят курс на всеобщее девятилетнее образование (неполное среднее), и не исключено, что уже в ближайшие 10—15 лет Китай станет страной поголовной грамотности, что резко улучшит условия для модернизации.

Китайские реформы имеют также идеологическое значение. Как пишет А.Бельчук, «крах советского и восточноевропейского социалистического эксперимента однозначно интерпретируется большинством политиков и ученых как тотальное поражение коммунистической идеи в соревновании с капитализмом. Китайские руководители и теоретики не согласны с такими выводами, утверждая, что они от коммунистической идеи не отказываются, поскольку успехи страны доказывают ее потенциал, а крах советской и восточноевропейской социально-экономической системы означает лишь неудачу определенных моделей социалистического (коммунистического) развития. На таких позициях стоит и Вьетнам, чьи экономические успехи менее впечатляющи, чем китайские, но достигнуты в принципе теми же методами» [2, с. 86].

Таблица 1

Влияние реформ на ВВП [1, с. 51]

Годы	Население, млн человек	ВВП		ВВП на душу населения, долл./год
		млрд юаней	млрд долл.	
1978	962,6	362,4	43,8	45,50
1980	987	451,8	54,6	55,31
1985	1058,5	896,4	108,3	102,31
1990	1143,3	1854,8	224,1	196,01
1993	1185,2	3456	417,5	352,26
1995	1211,2	5847,8	706,5	583,30
1998	1248,5	7834,5	946,5	758,10
1999	1259,1	8206,7	991,5	787,46
2000	1267,5	8940,4	1080	852,07
2001	1276,3	9593,3	1159	908,093
2002	1284,5	10240	1237,1	963,09
2004	1300	13652	1650	1269,23

В основу сельскохозяйственной реформы, начавшейся сразу после пленума 1978 года, была положена система подворного подряда, прямо увязывающая доходы крестьянского двора с объемом произведенной им продукции. Уже к концу 1984 года 99% производственных бригад, сформированных на основе дореформенных коммун и выступающих прежде всего в роли посредника между государством и крестьянским двором, и 99,6% крестьянских дворов использовали систему полной ответственности за производство. Производительность труда в крестьянских хозяйствах резко выросла, прежде всего, за счет усиления частной заинтересованности крестьян в результатах производственной деятельности. Просто когда вышел закон о наделении крестьян индивидуальными участками, население в явочном порядке разделило почти все угодья, а государству пришлось объявить о долгосрочной аренде.

За время реформ производство сельскохозяйственной продукции выросло в 4 раза. Причем в таких отраслях, как производство минеральных удобрений или производство мяса, прогресс еще более значителен. Китай является крупнейшим потребителем продовольствия, а также его производителем, и наращивает экспорт многих сельскохозяйственных культур.

Улучшаются не только количественные, но и качественные показатели. «Падает традиционно высокая доля полеводства (при росте в абсолютных величинах), зато возрастает объем выработки скотоводства — примерно в 6 раз, рыболовства — примерно в 4 раза, лесного хозяйства — примерно в 3,6 раза.

Доля полеводства в общей продукции аграрного сектора снизилась с 80 до 58%, скотоводства — увеличилась с 15 до 28,5 %, а рыболовства — с 1,6 до 10,3%» [3, с. 198].

Успехи в промышленности еще более впечатляющие, чем в сельском хозяйстве. За период с 1990 по 2000 г. объем инвестиций в промышленность вырос почти в 7 раз, достигнув 17 трлн юаней. В 19 раз увеличился за годы реформ объем промышленного производства. Удалось преодолеть крен в сторону тяжелой промышленности, характерный для командных экономик: «К настоящему времени доля легкой промышленности сравнялась с долей тяжелой промышленности. С начала реформ объем производства легкой промышленности возрос в 25 раз, а тяжелой — в 15 раз» [3, с.198].

Китайская обрабатывающая промышленность непрерывно модернизируется, и Китай выходит в мировые лидеры по производству многих современных технологий. «Высочайших высот достигло производство электроники, компьютеров, информационного оборудования. Все более важную роль начинает иг-

рать авиастроение, космическая промышленность, атомная промышленность» [3, с. 198].

Одним из основных условий ускорения экономического роста и модернизации стало привлечение иностранных инвестиций. Причем схема привлечения ПИИ противоречила рекомендациям Всемирной торговой организации. Государство, привлекшее более 300 млрд долл. иностранного предпринимательского капитала, не соблюдало ни принцип национального режима (зарубежному капиталу предоставлялись значительные тарифные и налоговые льготы по сравнению с местными производителями), ни принцип наибольшего благоприятствования (дополнительные преференции имели зарубежные этнические китайцы-предприниматели), ни принцип равных условий на всей территории государства (разных типов территориальных форм внешнеэкономической открытости в Китае насчитывалось не менее пяти), ни принцип равного доступа к рынку (предприятиям с иностранным участием, как правило, был закрыт самостоятельный сбыт продукции в КНР). Кроме того, Китай в законодательном порядке определял зарубежным инвесторам обязательства по использованию в производстве местных комплектующих, доле экспорта в продажах и т.п..

Обратной стороной модернизации, как пишет В. Иноземцев, является то, что «китайская экономика, если сравнивать ее с американской и японской, развивается по пути, который позволяет признать ее даже не субъектом копирования, а полем приложения новых технологических достижений» [4, с. 28]. Вскоре Китай станет первой страной в мире по промышленному производству и по экономическому развитию в целом. Но существует ряд факторов (детонаторов), которые могут помешать Китаю войти в «клуб лидеров» (стать страной «первого мира», войти в «золотой миллиард») и спровоцировать какие-либо кризисы: экономические, политические, военные. Эти детонаторы можно разделить на несколько групп: внешнеэкономические и внутриэкономические, внешнеполитические и внутривнутриполитические.

К внешнеэкономическим детонаторам можно отнести возможность мирового финансового кризиса развалить неокрепший еще национальный фондовый рынок, что приведет к краху фондовых бирж, обострению проблем с плохими кредитами, исчерпанию национальных валютных резервов, отток иностранного капитала. Но экономика Китая продемонстрировала свою прочность во время азиатского финансового кризиса и, наверное, сможет минимизировать последствия кризиса. Вторым детонатором является мировой энергетический кризис, сопровождающийся длительным ростом цен на нефть, что может привести к росту издержек, инфляции, падению экс-

порта. Третий детонатор — экспортоориентированность экономики Китая — обрекает его на зависимость от конъюнктуры на мировых рынках и, в частности, от состояния главного потребителя китайской продукции — США. Сокращение мирового спроса на китайские товары может привести к катастрофическим последствиям для экономики Китая.

Учитывая Китайский ВВП (\$ 1689,6 млрд по обменному курсу), к внутриэкономическим угрозам можно отнести, во-первых, экстенсивный путь развития, хотя при 700 млн трудоспособных граждан, более 90 млн. из которых официально признаются безработными, при средней заработной плате 0,6—1,3 долл. в час, маловероятно, что мыслиться иной путь. Этот фактор приведет к повышению нагрузки на окружающую среду, т.к. «благодаря промышленному росту за последние годы Китай превратился в одного из ведущих импортеров сырьевых товаров, и спрос на сырье продолжает быстро расти. ... Экономический рост Китая оказывается очень материалоемким и энергоемким — по той простой причине, что значительную часть роста обеспечивают металлургия, нефтепереработка, химическая промышленность. И при том, что своих ресурсов явно не хватает, энергетические потребности страны постоянно растут» [5, с. 18], также встанет вопрос повышения заработной платы что приведет к росту издержек и будет способствовать снижению темпов экономического роста. Во-вторых, это отсутствие внутренних стимулов к инновациям. Китай использует преимущественно импортированные или скопированные технологии. Согласно данным В. Иноземцева, «в 2001—2003 гг. его компании получили в 6 раз меньше патентов, чем корейские, и в 30 раз меньше, чем японские. Предпринимаются лишь робкие попытки начать производство собственного программного обеспечения» [4, с. 31]. Китайская экономика становится «сборочным цехом» крупных корпораций. И, наконец, возможность финансового кризиса из-за неэффективности кредитования государственных предприятий.

Внешнеполитические детонаторы. Международная политическая обстановка для Китая представляется весьма благоприятной. Территориальные споры улаживаются, проблема Северной Кореи под контролем по схеме «экономическая помощь в обмен на ненагнетание», отношения с США содержат элементы сотрудничества на основе фактора «своего» в экономике и противоборства на основе фактора «чужого» в политике и идеологии и испытывают регулярные напряжения из-за взрывоопасной тайваньской проблемы... Однако напряженность такого рода балансируется углубляющейся экономической взаимозависимостью, определяющей пределы ухудшения отношений

между Пекином и Вашингтоном, а также налаживанием взаимодействия по отражению новых угроз». Отношения с Японией напряжены в связи с толкованием японской агрессии в Китае в японских учебниках истории. Хотя отчасти они уравниваются развитием взаимной торговли и интересами японского капитала в Китае.

Отношения с Евросоюзом и Россией наименее конфликтноопасны.

Внутриполитические детонаторы: политические и идеологические разногласия внутри китайского руководства, коррупция, напряженная социальная ситуация в китайских городах, проблема Тайваня.

Конечный результат реформ еще неясен, но уже сейчас проглядывают контуры Китая как одной из ведущих экономик мира. И что самое главное — в стране удалось реализовать единственно правильную схему проведения реформ, когда инициативы «верхов» подкреплены согласием и оптимизмом «низов». В едином созидательном порыве власть и общество удачно синтезировали дерзость и восточную мудрость, решительность и осторожность, амбициозность и трудолюбие, непоколебимую веру в особый путь к экономическим вершинам и особое предназначение Поднебесной на глобальной политической арене. Именно это созидательное настроение, то, чего нам так не хватало все 15 лет, и можно считать одним из главных факторов успеха китайских реформ, в том числе в образовательной сфере.

Любую образовательную реформу невозможно вырвать из общего контекста социально-экономических перемен. Чтобы предвидеть ее успех, готовность общества принять и реализовать ее, необходима оформившаяся потребность социума и экономики в новом качестве образования. Вообще точкой отсчета китайских реформ является 3-й пленум ЦК КПК, провозгласивший в декабре 1978 г. принципиально новый курс развития страны. Вот только некоторые штрихи этого курса, дабы понять, с какими потребностями экономика Китая подошла к началу модернизации образовательной сферы.

Проведение реформ первой волны было намечено в нескольких отраслях экономики, но приоритетом стала аграрная сфера. И это не случайно, ведь 80% населения в то время проживало в деревне. В начале 80-х годов в ходе деколлективизации были упразднены народные коммуны, составлявшие основу сельскохозяйственного производства, и осуществлен переход к системе семейного (арендного) подряда; значительно усилена химизация сельского хозяйства, введены протекционистские государственные закупочные цены; взят курс на подъем сельской промышлен-

Некоторые экономические показатели реформ в КНР [6]

Год	Население, млн человек	ВВП в текущих ценах		ВВП на душу населения, тыс. долл.	Внешняя торговля, млрд долл.		
		млрд юаней	млрд долл.		оборот	экспорт	импорт
1978	962,6	362,4	43,8	0,046	20,6	9,8	10,9
1985	1058,5	869,4	108,3	0,102	69,6	27,4	42,3
1990	1143,3	1854,8	224,1	0,196	115,4	62,1	53,3
1995	1211,2	5847,8	706,5	0,583	280,9	148,8	132,1
2000	1267,5	8940,4	1080,0	0,852	474,3	249,2	225,1
2004	1300,0	13651,5	1650,0	1,269	1154,8	593,4	561,4

ленности через развитие волостно-поселковых предприятий. Эти меры, конечно же, не решили всех проблем в данной сфере, остающейся самым узким местом в китайской экономике, но позволили существенно увеличить обеспечение огромного населения страны собственным продовольствием и значительно поднять уровень жизни крестьян. За 1978—1995 гг. их доходы увеличились почти в 12 раз.

Параллельно с аграрной реформой началась модернизация денежно-кредитной системы. Китайским правительством был предпринят очень рискованный (по российским меркам) отказ от антимоноетарной политики развития и реализована концепция форсированной монетизации экономики и общества. За 1978—1995 гг. прирост денежной массы в 2,6 раза превышал темпы прироста ВВП, средняя денежная заработная плата выросла в 9 раз.

В результате продуманных антиинфляционных мер резких скачков цен (более 6% в год) удалось избежать. Рациональностью характеризуется и процесс формирования многоукладности в экономике. Китайское руководство не пыталось сначала разрушить (приватизировать) старый дом (государственный сектор), а на его руинах создавать новый (частный сектор). Страна пошла по пути реформирования и повышения эффективности функционирования государственного и коллективного укладов, а параллельно эволюционным путем на собственной инвестиционной основе формировался частный уклад. Значительным подспорьем в этом послужила государственная программа развития малого бизнеса. В результате удалось избежать пореформенных экономических провалов, характерных для стран, бессистемно приватизировавших государственную собственность.

Стержневым направлением нового курса стала новая внешнеэкономическая стратегия, ориентированная на демонтаж прежних самоизоляционных механизмов и активное включение страны в мирохозяй-

ственные связи подобно тому, как это сделала в свое время Япония. Невысокая стоимость и избыток рабочей силы, результативная внешнеэкономическая политика способствовали успешному вовлечению китайской экономики в процесс международного разделения труда, нахождению своих ниш в транснациональных цепочках добавленной стоимости. За период реформ оборот внешней торговли увеличился в 56 раз, объем экспорта — в 60, импорта — в 51 раз (см. табл. 2).

Среднегодовые темпы прироста ВВП за период реформ составили 9,7% — самый высокий показатель в мире. Запланированное китайским руководством увеличение ВВП в 4 раза за 1980—2000 гг. было достигнуто уже к 1995 г. К этому же рубежу можно отнести окончание первой волны реформ, по итогам которой высветились узкие места преобразований. Во-первых, качество рабочей силы и ее структура не соответствовали потребностям обновляющейся экономики. Массовый импорт техники и технологий не давал ожидаемого эффекта ускоренного внедрения нового технологического уклада, и одним из основных тормозов стал острейший дефицит квалифицированных кадров. Во-вторых, четко обозначилась дальнейшая бесперспективность сохранения ресурсозатратного характера производства.

Решить эти проблемы можно было, только скорректировав курс реформ. В первоочередном порядке необходимо было коренным образом реконструировать народнохозяйственный комплекс и перейти от экстенсивного к интенсивному типу развития, то есть к принципиально новому качеству развития производительных сил. В марте 1996 г. был принят 9-й пятилетний план экономического и социального развития КНР и перспективная программа до 2010 г., дополненные впоследствии прогнозами до 2020, 2030 и 2050 гг. Поставленная задача — ликвидировать к 2020 г. разрыв с развитыми странами в науке, обра-

зовании и экономике — не могла быть осуществлена при старой, элитарной по своей сути системе образования. Стране был нужен массовый приток молодых и образованных кадров, критическая масса которых смогла бы в перспективе привести к замене модели экономики, воспроизводящей заимствованные научно-технические достижения, моделью, стимулирующей генерацию собственных достижений. Была поставлена задача — с помощью ускоренного развития науки и образования уйти от консервативного воспроизводства ремесленных сил к приоритетному развитию механических и электронно-технических производительных сил, в том числе через реализацию программ по индустриализации деревни и научно-технической революции в промышленности и сельском хозяйстве. Стратегический курс, выбранный компартией Китая на XV съезде в 1997 г., провозгласил: «Наука и образование приведут страну к процветанию».

Таким образом, к решительным образовательным новациям Китай подошел с уже оформившейся насущной экономической потребностью. Политическая элита, анализируя итоги первой волны реформ, пришла к пониманию того, что стратегия ускоренного развития производительных сил не имеет практических шансов на реализацию без формирования эффективной системы ликвидации неграмотности и массовой подготовки кадров. Вместе с существенно возросшими запросами и финансовыми возможностями государства, экономики и общества это придало реформе совершенно особый характер. Из числа ведомственной, реализуемой в значительной степени по меркам и под давлением правящей партии или правительства, как это было, например, в России конце 90-х годов, она изначально перешла в ранг общенациональной задачи. Это предопределило настроение образовательного сообщества, сосредоточившего все силы на активной реализации реформы.

Ярко выраженная англосаксонская модель многоуровневого образования КНР не ставила задачей архитектурную перестройку с целью повышения конкурентоспособности на мировом образовательном рынке (как это было, например, в России). Необходимо было в первую очередь изменить количественные и качественные параметры функционирования этой системы. Следует отметить, что реформе предшествовал содержательный подготовительный этап. Тогда были сформулированы принципиальные контуры реформы, создан соответствующий настрой для ее позитивного восприятия китайской общественностью и образовательным сообществом. основополагающими документами стали постановление Госсовета «О реформе структуры образования» от 1985 г. и принятая в 1993 г. Программа модернизации системы обра-

зования КНР. Была поставлена задача ликвидировать к концу столетия неграмотность подрастающего поколения и ввести обязательное девятилетнее базовое образование, сформировать эффективную систему подготовки специалистов, в первую очередь низшего и среднего звена, перейти к массовому высшему образованию, трансформировать чисто государственную образовательную систему в государственно-общественную.

Последняя задача предполагала формирование многоукладности в образовательной сфере, где наряду с государственными (традиционно находящимися в ведении министерства образования) стимулировалось создание новых государственных (но уже ведомственной и провинциальной принадлежности), общественных и частных учебных заведений. Заметим, что идея многоукладности не нова для китайского образования. По своей сути она возродила многовековую практику сосуществования казенных и неформальных частных учебных заведений, широко применявшуюся вплоть до 50-х годов прошлого века, когда частные учебные заведения были разом национализированы.

В формирующемся негосударственном секторе образования, не имевшем доступа к бюджетным средствам, основным источником существования естественно стали средства, взимаемые с учащихся и их родителей. Благодаря существенному росту доходов общество вначале достаточно спокойно отреагировало на появление платного частного образования, тем более, что альтернатива в виде бесплатного для населения базового среднего образования в государственном секторе была сохранена, а доступность его за счет открытия новых школ в провинциях даже увеличилась.

Но, к сожалению, задача сохранения бесплатного образования в государственном секторе не была заложена в программу реформ. И это не случайно. Финансирование системы образования в начале 90-х годов на уровне 2,2% ВВП не позволяло решить задачу массовой подготовки кадров, необходимо было в кратчайшие сроки задействовать ресурс самофинансирования системы. В результате платным стал доступ практически ко всем уровням образования, кроме базового среднего, получение которого гарантировалось государством. Не ограничиваемый государством процесс коммерциализации довольно быстро захлестнул старшую и среднюю школу и среднее профессиональное образование.

Более осторожно протекала коммерциализация сферы высшего образования. Только в 1996 г. начал осуществляться переход к повсеместному платному высшему образованию в государственных вузах. Этому предшествовал период накопления опыта приема в соответствии с оплачиваемым бюджетом госзака-

зом и квотируемого на первых этапах приема на контрактной основе за счет предприятий и граждан. С 1987 г. квота на «контрактный» прием составляла 5% госзаказа, с 1992 г. она была увеличена до 25%. С 1996 г. в государственной (регулярной) высшей школе Китая плату вносить стали все, но была сохранена градация на «бюджетных» и «контрактных» студентов через дифференциацию платы за обучение и дальнейшую ответственность перед бюджетом.

Так, при обучении на первой ступени — бакалавриате — «бюджетники» стали возмещать незначительную часть стоимости (около 480 долл. за четыре года), а «контрактники» — полную стоимость обучения (по естественно-научным специальностям около 3,5 тыс. долл. за четыре года). Но при этом у «бюджетников» возникало встречное обязательство перед государством — отработать по специальности и полученному направлению не менее трех лет в отличие от «контрактных» выпускников, имевших возможность самостоятельно выбрать себе работодателя. Основной принцип доступа к этим категориям обучения практически идентичен российскому — по объему знаний, продемонстрированных при поступлении в вуз, никак не завязанный на другие факторы, например, социальное происхождение, уровень доходов семьи и др.

Уменьшилась ли с введением всеобщей платности доступность образования? Китайские чиновники убеждены, что практически не уменьшилась: введенная плата посильна для значительной части населения, ведь за чертой бедности находится всего 4,6% населения, к тому же доступность обеспечивается комплексом страховочных мер, которые будут рассмотрены далее. Думается, однако, что платность значительно уменьшила доступность образования выше базового среднего по крайней мере для половины наименее обеспеченного китайского населения. Несмотря на значительный рост доходов, 16,6% населения существовало в 2001 г. менее чем на 1 долл. в день, 46,7% — менее чем на 2 долл. Для этой части населения нереальна плата за обучение даже на «бюджетном» месте в вузе, не говоря уже о «контрактном» образовании.

Но надо отдать должное китайскому руководству, разработавшему в кратчайшие сроки достаточно эффективный механизм, обеспечивший доступность образования для малообеспеченных слоев населения. Эффективный, конечно же, по меркам развивающихся государств, поскольку более чем за 10 лет активной коммерциализации образовательного процесса, например, в Украине, России и других странах СНГ ничего подобного так и не удалось сделать.

Одним из основных страховочных средств доступа к получению любой квалификации в КНР явля-

ется созданная в банковском секторе система образовательного кредитования населения. Ее отличительные особенности — упрощенная процедура получения кредита, низкая процентная ставка, субсидируемая государством и не превышающая уровня инфляции, и — самое главное — возможность списания кредита при согласии выпускника отработать определенный срок по распределению в наиболее удаленных и наименее экономически развитых провинциях. Правда, растущая доля невозвращенных кредитов вследствие законодательной непроработанности механизма их возврата ограничила ранее масштабный доступ к образовательным кредитным ресурсам, но сам характер системы заслуживает одобрения и дополнительного изучения.

Крайне интересен опыт КНР по использованию дополнительных ресурсов госбюджета для помощи малоимущим, демонстрирующим значительные успехи в учебе, через систему грантов. В первую очередь это наиболее масштабная государственная программа «Надежда». Гранты по ней выдаются беднякам-отличникам на завершающих этапах обучения на безвозвратной основе. За 10 лет с момента ее старта в 1989 г. гранты были выданы на сумму 200 млн долл. За счет средств данной программы не только решается прямая адресная помощь малоимущим, но и повышается в целом доступность среднего образования для сельской молодежи. 7 тыс. новых сельских школ — итог инвестиционной компоненты программы «Надежда». Программа «Матери Китая» ориентирована на повышение уровня образования и социального статуса женской части населения. Гранты выдаются девушкам из малообеспеченных семей на получение полного среднего и высшего образования.

Немаловажным средством доступа к высшему образованию стала система внутривузовских пособий. В соответствии с законодательством вузы обязаны 10% от полученных внебюджетных средств направлять на пособия малоимущим студентам. Через такие пособия перераспределяются немалые средства. Так, в 2002 г. в совокупности по всем государственным регулярным вузам фонд помощи достиг 875 млн долл., или более 5% их валовых расходов. Из этих средств было выдано 7,3 млн пособий.

Другое немаловажное страховочное средство — стипендия, выдаваемая только отличникам учебы. Стипендия существенная (около 120 долл. в год в середине 90-х годов) и не случайно соответствует «бюджетной» плате за обучение того периода. В дальнейшем размер платы за обучение неоднократно повышался, но одновременно с ней увеличивалась и стипендия, которая всегда оставалась эквивалентной плате, вносимой «бюджетными» студентами. По сути, вы-

сокий размер и конкурсность получения стипендии обеспечивают, кроме стимулирования высоких результатов учебы, и некую селекцию (за счет сопряжения «бюджетного» контингента с обязательным распределением) наиболее способной части молодежи для работы в государственном секторе экономики. Таким образом, старый механизм государственного распределения в Китае не был полностью демонтирован, как у нас, а обновлен рыночным инструментарием реализации, охватывающем как «бюджетных» (в обязательном порядке), так и «контрактных» (в добровольном порядке) выпускников.

Значительной вехой образовательной реформы стало обнародование в 1997 г. так называемой «Программы 211», давшей старт подготовке вузов к конкурсу на включение в число лучших вузов, которые должны будут получить существенные преференции, в первую очередь дополнительное финансирование. Кодировка программы символична: первые две цифры означают XXI в., третья — создание одной сотни ведущих университетов, которые смогут обеспечить успех китайской высшей школы на внутреннем и международном рынках образовательных услуг. Таким образом, началась двухлетняя подготовка к введению категорийности вузов и дифференциации средств государственной поддержки различным их категориям.

Что же представляла собой государственная высшая школа Китая, когда перед ней была поставлена столь серьезная задача? Абсолютные цифры впечатляют. В 1997 г. насчитывалось 1020 университетов и институтов, где обучалось 5,9 млн студентов, что в 1,6 раза больше, чем в 1990 г. В магистратуре обучались и занимались исследованиями 176 тыс. молодых ученых. Профессорско-преподавательский корпус составлял более 400 тыс. человек, из них 9% — профессора и 28,5% — доценты. Эти показатели свидетельствуют о существенных сдвигах в системе высшего образования, если не соотносить их с численностью населения. Так, например, в 1997 г. в расчете на 10 тыс. населения в Китае насчитывалось 50 студентов и магистрантов (для сравнения: в России — 370, США — 500), в вузах страны обучалось всего 6% от численности населения соответствующей возрастной группы (в России — 57, США — 81%), индекс уровня образования населения КНР 0,80 соответствовал уровню Албании, Боливии, Индонезии.

Говоря о создании категории ведущих вузов, руководство КНР предполагало необходимость их перспективного позиционирования среди лучших мировых университетов. Но реалистично ли ставить перед каждым десятым вузом задачу достигнуть мирового уровня? На что рассчитывали правящие круги Китая, поднимая планку столь высоко? Ведь ВВП на

душу населения в 1997 г. едва перевалил за отметку 750 долл. Как можно потеснить североамериканские университеты с «образовательного Олимпа» (в рейтинге 200 лучших университетов мира 59 американских), если в США ВВП на душу населения — более 33 тыс. долл., а годовой бюджет ведущих университетов, таких как Гарвард, Оксфорд, Кембридж, соизмерим с бюджетом всей высшей школы КНР?

Идеологи «Программы 211» отдавали себе отчет, что данная задача утопична, во всяком случае для всей сотни вузов, и нереальна в ближайшей перспективе. Однако желание китайского руководства создать университеты XXI в., которые бы смогли обеспечить имидж и приоритетное место стране в формирующейся глобальной «экономике знаний», вполне прагматично и дальновидно: без амбиций не будет и результатов, без стратегической цели не будет выверенной тактики, будет лишь имитация движения вперед.

Такую логику рассуждений подтверждает дальнейший ход реформы. В мае 1998 г. на праздновании 100-летнего юбилея Пекинского университета председатель КНР Цзян Цземин сформулировал «Программу 985» (98 — год, 5 — месяц обнародования) с идеей формирования новой категории элитных вузов и достижения ими уровня лучших университетов мира в ближайшие 10—20 лет. В этой программе был сделан существенный акцент на научно-исследовательскую деятельность элитных университетов, через приоритетное развитие которой и предполагается достижение ими мирового уровня.

Заявленная в программах «211» и «985» цель нашла первое воплощение в решении ЦК КПК и Госсовета КНР, фиксирующем беспрецедентное обязательство начиная с 1998 г. и на протяжении последующих пяти лет увеличивать долю расходов на образование из центрального бюджета ежегодно на 1 процентный пункт, из бюджетов провинций — на 1—2 п.п. Нельзя сказать, чтобы данное решение неукоснительно выполнялось, но следует признать, что наращивание образовательных расходов в КНР стало государственным приоритетом: в 2003 г. они составили уже 3,28% ВВП.

Законодательное оформление «Программа 985» получила в принятом Госсоветом КНР «Плане мероприятий по подъему образования навстречу XXI веку» (1999 г.). В документе сформулирована также задача ввести к 2010 г. полное среднее образование молодежи городов и экономически развитых провинций, смещен приоритет в сторону высшего профессионального образования, поставлена задача активного привлечения в высшую школу ведущих зарубежных специалистов, детализирован процесс введения категорииности вузов и др.

Что касается последнего пункта, то 100 университетов, вошедших в число ведущих, получили дополнительное финансирование — почти 1,9 млрд долл. на четыре года (годовые расходы бюджета на всю систему образования составляли в 1999 г. 19,8 млрд долл.). Каждому вузу причиталось в среднем около 4,7 млн долл. в год — сумма, конечно, немалая, но в целом не обеспечивающая прорыва. Это было очевидно, поэтому предусматривались значительные дополнительные ассигнования элитным вузам, имеющим шансы достичь к 2010—2020 гг. мирового уровня. На первом этапе были отобраны 9 элитных вузов, на втором этапе их число увеличилось до 34, сейчас их 38. В пользу этих университетов стала перераспределяться треть всех бюджетных расходов на научные цели по линии министерства образования. На основе конкурса инновационных проектов они получили гранты, размер которых был дифференцирован в зависимости от масштабы заявленных проектов, но в целом позволял всем получателям добиться существенной модернизации научно-образовательного процесса.

Говоря об организационно-структурном аспекте реформы, нельзя не сказать о содержательном видоизменении китайского образования. В первую очередь следует остановиться на поставленной системе образования задаче усиления воспитательной работы с молодежью. Здесь отчетливо видны две однонаправленные тенденции, последствия которых представляют для китайского руководства серьезную проблему.

Во-первых, взяв курс на внешнеэкономическую открытость страны, еще готовясь к вступлению в ВТО (оно произошло в ноябре 2001 г.), Китай стимулировал политику «открытых дверей» и в сфере образования. В пореформенный период устойчивыми стали потоки масштабного выезда студентов для обучения за рубежом (с 1978 г. на учебу в 100 с лишним стран выехало более 370 тыс. человек), регулярных стажировок преподавателей в западных университетах и массового приглашения в страну зарубежных преподавателей высокой квалификации. Около трети китайских студентов после получения престижных дипломов и степеней возвращаются домой (к настоящему моменту вернулось более 100 тыс. человек). Многие из них получают выгодные предложения продолжить научно-педагогическую деятельность.

Но суть проблемы в том, что за период обучения молодежь получает не только знания, но и впитывает ценности «буржуазного» мира и отходит от социалистического курса. Такие преподаватели, не говоря уж о зарубежных специалистах, менее всего склонны к идейному воспитанию студенчества в духе приверженности политическим идеалам социализма. Приходящие на образовательный рынок Китая зарубежные

образовательные учреждения, число которых после вступления страны в ВТО постоянно увеличивается, также дистанцируются от идейно-нравственного воспитания подрастающего поколения.

Во-вторых, содержание китайского образования видоизменяется в направлении копирования западного контекста. Это отчетливо проявляется прежде всего в подготовке специалистов гуманитарных профилей. Сканирование западных дисциплин, образовательных программ, методов и методик обучения неизбежно привносит в китайскую модель молодого специалиста несвойственные ей ранее черты «индивидуалистической» и «эгоцентричной» направленности англо-американской модели.

Эти процессы, протекающие на фоне все возрастающей агрессии западных штампов вседозволенности, половой распущенности, психической неуравновешенности, очень волнуют китайское руководство. В программных документах последних лет формулируется задача поставить идейно-нравственное воспитание во главу угла деятельности всех образовательных учреждений, активизировать формирование качественных характеристик личности, в том числе через укрепление физического и психического здоровья учащихся.

Что касается непосредственно содержательной стороны образовательного процесса, то с середины 80-х годов в этом направлении ведется планомерная работа. Например, в сфере высшего образования наблюдается отход от чрезмерно узкой специализации выпускников. Как итог — сокращение в два раза числа специальностей за счет их укрупнения. Шесть лет назад запущено новое поколение учебных планов с увеличенной до 70% долей фундаментальных дисциплин. Не менее активно принятая в 1998 г. программа обновления знаний выполняется и на других уровнях системы образования.

Образовательная реформа в Китае идет полным ходом. Уже сейчас можно уверенно констатировать, что задача кардинального повышения образовательного уровня населения решается успешно. По абсолютным показателям система образования КНР ныне одна из самых масштабных в мире. Различными уровнями и формами образования охвачено около 260 млн человек, или 20% всего населения. Это существенный результат реформы. Для сравнения: в РФ различными формами обучения охвачено более 25% населения.

Наиболее значительны успехи в базовом среднем образовании. Китай вплотную подходит к реализации задачи всеобщего 9-летнего среднего образования: степень охвата соответствующей возрастной группы увеличилась с 40% в 1990 г. до 92% сейчас.

Но говорить о ликвидации неграмотности всего

населения Китая было бы преждевременным. Несмотря на то, что коэффициент неграмотности (удельный вес неграмотных в возрасте 15 лет и старше в общей численности этой возрастной группы) имеет ярко выраженную положительную динамику — с 22% в 1990 г. понизился до 14,8% в 2000 г., все же он остается очень существенным, особенно среди женской части населения: с 32% в 1990 г. он уменьшился только до 22% в 2000 г. Для сравнения: по данным последней переписи, уровень неграмотности российского населения составляет 0,2%.

Что касается охвата молодежи полным средним образованием, то в соответствующей возрастной группе он составляет всего около 70% охвата базовым средним образованием (в РФ — 95%). Доступу молодежи, в первую очередь сельской, к этому уровню образования препятствует, безусловно, его платность. Принципиально ситуация здесь может измениться только при переходе к гарантированному государством бесплатному доступу к данному уровню образования, как это практикуется во всех развитых странах. Насколько известно, такая задача еще не ставится. По оценкам специалистов, перейти к всеобщему полному среднему образованию при сохраняющейся динамике увеличения государственных расходов КНР сможет ориентировочно к 2010 г., после решения этой задачи в городах и развитых провинциях.

В сфере высшего и послевузовского образования наблюдаются реальные сдвиги. Только за 1995—2004 гг. число обучающихся на уровне бакалавриата по традиционной (очной) форме увеличилось в 4,6 раза. Растет спрос на получение высшего образования среди работающих: более чем вдвое увеличилась численность обучающихся на этом уровне без отрыва от производства. Все острее заинтересованность молодежи в получении послевузовского образования. До 90% выпускников вузов, получивших диплом бакалавра, желают поступить в магистратуру и около 14% выдерживают конкурс. С 1981 г. подготовлено свыше 110 тыс. докторов наук (эта степень в КНР соответствует нашей степени кандидата наук) и более 820 тыс. магистрантов, что позволило кардинально улучшить кадровую обеспеченность отраслей образования и науки.

Вместе с тем при всех положительных сдвигах считать доступ к высшему образованию массовым пока нельзя. Степень охвата соответствующей возрастной группы этим уровнем образования увеличилась с 6% в 1997 г. до 13% в 2001 г. и 19% в 2004 г. (в России этот показатель превысил 70%). Однако следует учесть динамизм современного похода за знаниями в КНР. Так, высшей школе для увеличения численности студентов и магистрантов с 50 до 160 в рас-

чете на 10 тыс. населения понадобилось всего 7 лет (1998—2004 гг.), в то время как нашей стране — 21 год (с 1946 по 1967 г.). Не единожды проверенная стратегия «гонки за лидером» (в данном случае за США и Россией) в сфере образования реализуется в Китае очень эффективно.

Произошли изменения в финансировании системы образования. Как уже упоминалось, в КНР взят курс на приоритетное наращивание образовательных расходов как из центрального бюджета, так и из бюджетов провинций. Планы Госсовета КНР — довести расходы на образование из консолидированного бюджета к 2010 г. до 5% ВВП. С учетом беспрецедентного наращивания самого ВВП Китай имеет все шансы достичь уровня образовательных расходов наиболее развитых стран в 7% уже к 2020 г. На этом фоне российские расходы консолидированного бюджета на образование, застывшие на отметке 3,5% ВВП без каких-либо перспектив роста, блекнут, абсолютно не подтверждая провозглашенную на самом высоком уровне приоритетность развития российского образования.

В актив образовательной реформы в КНР следует записать неуклонный рост заработной платы преподавательского корпуса. С 1984 по 2004 г. в среднем по системе образования она возросла в 18 раз. Задача, которую в России намечено решить только к 2008 г., в китайской высшей школе уже решена — профессор в среднем получает больше 1 тыс. долл. в месяц. Китайское руководство мыслит прагматично: такой уровень оплаты труда педагогов не благотворительность, а скорее способ трансформации негативного восприятия образовательным сообществом реформы в позитивное, средство для созидательного настроения этого сообщества, что в конечном итоге является залогом успешности самой реформы.

Болезненной темой для китайского общества является коммерциализация сферы образования. Этот процесс наблюдается не только в негосударственном секторе, где это вполне естественно, но и в государственном, хотя извлечение прибыли в качестве цели функционирования учебного заведения запрещено законодательством КНР для обоих секторов.

Чтобы понять масштабы коммерциализации, необходимо сопоставить государственные и частные расходы на образование. В 2002 г. валовые расходы на образование составили 66,4 млрд долл., в том числе государственные — 37,7 млрд долл. (56,8%) и частные — 28,7 млрд (43,2%). В государственной высшей школе пропорция приблизительно та же: в валовых расходах в сумме 14,7 млрд долл. доля государственных составила 52,8%, частных — 47,2%. В 2003 г. валовые расходы в целом на всю систему образования увеличились на 13%, до 75,2 млрд долл.

При этом весь прирост был обеспечен увеличением государственных расходов, которые составили уже 62% валовых расходов. Частные же расходы даже уменьшились до 38%. При таком динамизме прироста государственных ассигнований на нужды образования вполне ожидаема стабилизация, а затем и уменьшение доли частных расходов. Пока же проблема коммерциализации этой сферы сохраняет свою актуальность: расходы на образование поглощают 12,6% семейного бюджета среднестатистической китайской семьи. Размеры негосударственного сектора пока незначительны. В 2002 г. в 62 тыс. негосударственных учебных заведениях, в том числе в 1335 вузах, обучалось 11,2 млн человек, а это только 4,4% всех учащихся. Однако не стоит забывать о непредсказуемых для системы образования последствиях вступления в ВТО [6].

Опыт выделения и финансирования ведущих вузов КНР также крайне интересен. Ведь Украине еще только предстоит сформировать авангард университетов. Кроме того, данный опыт демонстрирует высокую вероятность последующего сужения этой когорты до 20—30 элитных вузов уже с существенными финансовыми преференциями. Но что дала дифференциация высшей школе Китая? Значительные дополнительные ассигнования позволили решить таким вузам, в первую очередь элитным 38 университетам, целый комплекс проблем, традиционно возникающих при длительном хроническом недофинансировании. Существенно модернизирована учебно-лабораторная база, отремонтированы старые и построены новые учебные корпуса, закуплено за рубежом новейшее оборудование, позволяющее проводить исследования на мировом уровне, и т.д. Значительно обновлена вузовская инфраструктура: введены в строй новые места проживания и отдыха студентов, центры массового повышения физической культуры и спорта, создана новая учебно-научная информационная сеть и т.д. Кроме кардинального улучшения материальной базы, эти вузы практически решили проблему обеспеченности кадрами высшей квалификации: большинство преподавателей повысило квалификацию за рубежом, для руководства научными направлениями привлечена лучшая зарубежная профессура. Естественно, такие вузы смогли потеснить остальные в конкурсах на научные гранты, существенно увеличить конкурс на преподавательские и научные вакансии, а также поднять конкурсную планку для абитуриентов. По сути, они стали абсорбировать лучшие научно-педагогические кадры страны (в том числе за счет перелива этих кадров из прочих вузов, где естественно обострилась кадровая проблема) и снимать сливки в виде наиболее способной части абитуриентов.

Итогом мощных финансовых вливаний и последующих модернизационных процессов стало позиционирование элитных китайских вузов в мировой университетской «табели о рангах». В рейтинге 200 лучших университетов мира за 2004 г. представлены уже 7 китайских вузов. Лидирует на 17-м месте Пекинский университет, на 42-м — Гонконгский университет науки и техники, на 62-м — университет Синьхуа, на 84-м — Университет Гонконга, на 154-м — Китайский университет науки и техники, на 192-м — Нанкинский и на 196-м — Фуданьский университет. Следует признать это колоссальным успехом китайского высшего образования. Из постсоветских университетов в этот рейтинг вошел только МГУ им. М.В. Ломоносова, размещенный на 92-м месте.

Руководство КНР намерено всячески стимулировать дальнейшее продвижение этих вузов. Планируется повышение рейтинга Пекинского и Синьхуа университетов. Для этого с 2004 г. действует пятилетняя программа приглашения в эти два университета по 50 лучших зарубежных исследователей с беспрецедентно высокой даже для развитых стран оплатой — 120 тыс. долл. в год. При такой мощной концентрации ресурсов вполне ожидаемо в скорой перспективе позиционирование этих вузов на одной ступени со Стэндфордским, Йельским и Принстонским университетами, занимающими 7—9 строчки мирового рейтинга.

Оборотной стороной медали в процессе дифференциации является проблема дальнейших перспектив государственных вузов, не попавших в число ведущих. «Программа 211» уготовила им достаточно грустные перспективы дальнейшего развития по одному из трех сценариев.

Первый — слияние с ведущими университетами по территориальному или отраслевому признаку. Второй — перевод значимых для провинций вузов из центрального в местное подчинение с финансированием из бюджета провинций либо их перевод в совместное ведение. Эти два сценария сейчас активно реализуются. Уже в 2003 г. в ведении министерства образования осталось только 72 вуза, в ведении всех других министерств — 117, а провинциям придется финансировать 1154 вуза. Третий — самый драматический сценарий — закрытие отстающих вузов. Пока он не осуществляется, но устрашающий его эффект заставляет вузовский менеджмент изыскивать все возможные средства для повышения эффективности научно-образовательной деятельности, дабы уйти с последних рейтинговых позиций. Но, в конце концов, закрытие или, что более реально — приватизация вузов, которые не смогли самостоятельно выстоять в конкурентной борьбе, окажется неизбежным. Такова

будет плата за преференции при ограниченных ресурсах развития.

В целом можно считать, что в результате образовательной реформы Китай достиг значительных успехов в совершенствовании человеческого потенциала и, что самое главное, в формировании нового качества экономического роста и социально-экономического развития страны. Опыт Китая высвечивает подходы к образовательной реформе, которые, по мнению авторов статьи, могут быть поучительными для многих стран переходного периода: 1) основные цели образовательной реформы должны быть ясны и воспринимаемы всем обществом, а предопределяться они должны уже оформившейся социально-экономической потребностью; 2) необходим существенный подготовительный этап реформы для проведения публичных сверочных и корректировочных процедур, формирования новых для реформируемого объекта структур; 3) ставящиеся стратегические ориентиры должны быть масштабны и амбициозны — общество должно понимать, на что потратятся дополнительные финансовые ресурсы; 4) начинать преобразования следует с формирования зна-

чительной массы их сторонников и проводников в самом реформируемом объекте, в том числе через создание для них мощных стимулов; 5) образовательная реформа обречена на провал без значительных дополнительных финансовых ресурсов.

Литература

1. **Курбатов В.П.** Опыт Китая. КНР: модернизация экономики и сотрудничество с Россией // Российский экономический журнал. — 2005. — №2. — С. 48—59.
2. **Бельчук А.** Вновь об оценке реформ в Китае // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — №4. — С. 86—93.
3. **Васильев Л.С.** История религий Востока: Учеб. пособие для студентов вузов. — Второе изд., перераб. и доп. — М.: Высш. шк., 1988. — 416 с.
4. **Иноземцев В.** Китайский экономический феномен: состояние и перспективы // Проблемы теории и практики управления. — 2004. — №2. — С. 27—33.
5. **Власова О., Попов В., Хазбиев А.** Великий поход // Эксперт. — 2005. — №25. — С. 15—20.
6. **Economist.** — 2005. — 27 December. — P. 5—8.